

СТАТЬИ

К. В. ХВОСТОВА

ПРОНИЯ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Проблема византийской пронии принадлежит к тем, которые отнюдь не были обойдены исследовательским вниманием. Но это вовсе не означает, что все относящиеся к ней вопросы являются решенными и что существует согласованность и единообразие даже в постановке исследовательских задач. Данное обстоятельство не является лишь результатом недостатка источников, оно связано с разными исследовательскими позициями, разными оценками тенденций развития империи в целом. Единственно, что на данный момент представляется бесспорным, — это убежденность исследователей в том, что прония (забота, попечение), по крайней мере с XIII в., с периода существования Никейской империи (а вернее, и ранее при Комнинах), играла в Византии огромную роль.

В большинстве работ прония рассматривается в рамках узкого хронологического периода, например в X—XIII вв., в других — изучается поздневизантийская прония¹. Но имеется и хорошо известно обобщающее исследование Г. Острогорского², в котором прония прослеживается на протяжении всей византийской истории и трактуется как временное и условное владение землей.

Нам представляется важным такой подход к изучению общественных отношений, который позволяет осуществить своеобразную исследовательскую ретроспекцию, а именно делает возможным изучение института в определенный период его существования с учетом знания тех его особенностей развития, которые в полной мере и в явной форме проявились позднее. Думается, подобный подход дает возможность обнаружить в явлении в ранний период его развития те черты, которые были исторически перспективными, а следовательно, и имели наибольшее историческое значение. При этом возможно, что тогда эти проявления носили еще скрытый характер и не играли той роли, которую они получили

¹ *Ahrweiler H.* La Pronoia à Byzance: Structures féodales et féodalisme dans l'Occident Méditerranéen (X—XIII siècles). P., 1980; *Glykatzi-Ahrweiler H.* La consession des droits incorporels, donations conditionnelles // Actes du XIIe Congrès International des Etudes Byzantines. Beograd, 1964. T. II; *Eadem.* L'histoire et la géographie de la région de Smyrne entre les deux occupations turcs (1081—1317). // Travaux et Mémoires. 1965. 1; *Lemerle P.* The Agrarian History of Byzantium: From the Origin to the twelfth century. Galway, 1979. P. 231 sq.; *Осунова К. А.* К вопросу о роли государства в утверждении феодализма в Византии // XVI. Internationaler Byzantinistenkongress; Resumés der Kurzbeiträge. Wien, 1981. 4.1; *Ostrogorsky G.* Die Pronoia unter den Komnenen // ЗРВИ. 1970. 12; *Idem.* Drei Praktika weltlicher Grundbesitzer aus der ersten Hälfte des 14. Jahrhunderts // ЗРВИ. 1973. 14—15; *Острогорски Г.* Још једном о пронијајма Куманима // Сборник Владимира Мошина. Београд, 1977; *Carile A.* Sulla pronoia nel Peloponneso bizantino anteriormente alla conquista latina // ЗРВИ. 1975. 16; *Хвостова К. В.* Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии. М., 1968; *Максимовић Љ.* Пронијари у Трапезундском Царству // 36. Философског факултета у Београду. 1974. XII, 1; *Сюзюмов М. Я.* Внутренняя политика Андроника Комнина // ВВ. 1957. 12.

² *Острогорски Г.* Пронија: Прилог историји феудализма у Византији и јужнословенским земљама. Београд, 1951.

в дальнейшем. Знание исторической перспективы позволяет, таким образом, выявить дополнительную информацию и с помощью ее обнаружить определяющие тенденции развития. Подобный ретроспективный взгляд на функционирование социально-правовых институтов, по-видимому, должен оказаться плодотворным в отношении изучения византийской прони. Сведения источников, характеризующие ее в XI—XIII вв., немногочисленны и оставляют много неясностей. В то же время от XIV в. сохранились некоторые данные, которые не только позволяют проследить развитие и изменения прони в это столетие, но и дают возможность выявить ряд ее неясных черт в более ранний период, а следовательно, помогают реконструировать типологические особенности этого института. Кроме того, изучение прони, называемой в источниках также икономия, т. е. управление, целесообразно проводить в тесной связи с рассмотрением общей системы византийского управления и с учетом характерных черт византийской политико-правовой доктрины, византийской ментальности и с учетом семантики выражения «прония».

В последние годы внимание исследователей привлекло упоминание о прони в так называемом трактате об обложении, опубликованном И. Караяннопулосом и относящемся, видимо, к XI или XII в. В нем упоминаются τὰ προνομιακά³. Э. Арвейлер пришел к выводу, что τὰ προνομιακά — это налоги с земли, пожалованные страстику или чиновнику за исполнение им государственной службы⁴. Отличительной особенностью пожалования, по ее мнению, является то, что оно подразумевало передачу лишь фискальных прав, т. е. тех, которые ранее принадлежали государству. Все другие права на данную территорию, которые Арвейлер называет экономическими, не были объектом пожалования⁵. Подобные выводы вполне согласуются с воззрениями, которые разделялись исследовательницей и ранее⁶, а также высказывались и рядом других ученых, в частности П. Лемерлем, Н. Звороносом⁷ и др. Их концепция предлагает наличие в Византии четкого разграничения между публично-правовыми и частноправовыми (экономическими) функциями и соответствующими доходами. Подобное этактистское воззрение, по-видимому, в точности воспроизводит византийскую политико-правовую доктрину, согласно которой различалось государственное и частное управление. Это разграничение нашло свое яркое выражение у Иоанна Дамаскина, общее понимание управления которого восходит к Аристотелю⁸.

Вся политика византийского государства на протяжении VII—XII вв. была направлена на сохранение и поддержание этого различия. Зонара упрекал Алексея I Комнина в том, что он правил не как император, а как господин. Никифор Григора различал управление государством по обычаям римеев и собственностью по образцу латинян⁹. Смешение форм

³ Karajannopoulos I. Fragmente aus dem Vademecum eines byzantinischen Finanzbeamten // Polychronion / Festschrift Fr. Dölger Zum 75. Geburtstag. Heidelberg, 1966. S. 322.56—58.

⁴ Ahrweiler H. La pronoia. . . P. 683.

⁵ Ibid. P. 683—684.

⁶ Glykatzis-Ahrweiler H. La concession des droits incorporels. . . P. 110.

⁷ Lemerle P. The Agrarian History of Byzantium. P. 232; Svoronos N. Le domaine de Lavra sous les Paléologues // Actes de Lavra / Ed. A. Guillou, P. Lemerle, N. Svoronos. P., 1982. Vol. IV. P. 164—171. (Далее: Actes de Lavra. Vol. IV).

⁸ Ιωάννου Δαμασκήνου πῆγη γνώσεως // PG. Vol. 94. Col. 533.

⁹ Tinnefeld F. Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie: Von Procop bis Nicetas Choniates. München, 1971. S. 144; Gregoras N. Byzantina Historia / Ed. L. Schoepen, T. Bekker. Bonnae, 1829. Vol. I.:P. 233, 18. Начало этой политики восходит к эпохе Диоклетиана и созданию византийской фискальной системы, многие принципы которой (естественно, в измененном виде) просуществовали до конца империи. В этот период возникли значительные прерогативы центральной власти в отношении земель подданных (Lemerle P. The Agrarian History of Byzantium. P. 7). Византийское государство в дальнейшем широко пользовалось подобными прерогативами. Некоторые византийцы связывали значительные права государства в отношении частной собственности с понятием государственной собственности на землю, подразумевая под ним главным образом те формы ограничения частного зем-

частного и публичного управления угрожало ослаблению государственной власти, поэтому на ограничение частного патроната были нацелены многие усилия византийских властей. В этом плане интересны распоряжения императоров македонской династии, направленные на ограничение частных прерогатив династов. Ту же цель преследовало введение таких институтов, как аллиленгий (коллективная податная ответственность общины за покинутые земли), эпибола (раскладка налога в соответствии с количеством и качеством земли), арифмос (пожалование частному собственнику строго определенного числа зависимых крестьян). Однако эта политика всегда была противоречивой, так как сочеталась с мерами, способствовавшими укреплению частнопрововых отношений, а следовательно, с созданием предпосылок к переплетению частнопрововых и публичноправовых функций управления¹⁰. В этом отношении особенно характерны раздача иммунитетных привилегий и пожалование земель в частную собственность. Впрочем, последние, несмотря на многочисленные заверения в противном, содержащиеся в императорских грамотах, оформляющих соответствующие пожалования, вовсе не были прочными и снабженными настоящими правовыми гарантиями. Привилегии не только могли отменяться, но по сравнению с западноевропейским иммунитетом они были более ограниченными. На протяжении всей истории империи и особенно в XIV—XV вв., как об этом подробно говорится ниже, распространялась практика возвращения монастырских земель в ранг казенных.

Сущность самой пронии также была противоречивой. Необходимо различать, с одной стороны, ту роль, которая отводилась ей государственной властью, а с другой — ее реальное функционирование. В теории она, видимо, рассматривалась как одно из средств сохранения и поддержания четких граней между государственным управлением и частным патронатом, сближаемым византийским правосознанием с частной собственностью, и означала пожалование лишь публичноправовых функций. Впрочем, из этого не следует, что юридически прония сводилась только к пожалованию налога, хотя это непосредственно засвидетельствовано многими источниками. В рассматриваемое понятие вкладывался еще и иной смысл: делегирование некоторых прав попечения или управления (икономия), объем которых зависел от социального статуса получателя. Именно так, как некоторое попечение в отношении территории, рас-

левладения, частной инициативы, которые были характерны для империи начиная с X в. Говорилось даже о праве государства конфисковывать земли подданных в случае государственной необходимости. (Об этих воззрениях см.: *Литаурин Г. Г.* Проблема государственной собственности в Византии X—XI вв. // ВВ. 1975. № 34) Думается, однако, что эти представления преувеличены. Можно согласиться с мнением Н. Звороноса, что известные факты превращения земель, принадлежавших на правах собственности монастырям, в государственные означали, во всяком случае юридически, не конфискацию их, а прекращение привилегированного состояния, связанного с освобождением от уплаты налогов, ликвидацию налоговой экскусии (*Actes de Lavra. Vol. IV. P. 52, 53*). Далее, вряд ли справедливо относить распространение тенденции, связанной с преимущественным влиянием публичного права и ролью государства только к периоду начиная с X в. Это явление восходит к государственному порядку, созданному реформами Диоклетиана и отмечалось уже такими исследователями римского права, как Е. Леви и М. Казер. Последний писал о том, что в постклассический период возникла ограниченная собственность частных лиц, что может быть интерпретировано, как государственная собственность. См.: *Kaser M. Das römische Privatrecht. München, 1959. Bd. II. S. 189—190*. Ср. также: *Levy E. West Roman Vulgar law: The Law of Property. Philadelphia, 1951. P. 111, 119*. Премственность эпохи IV в. с последующим развитием империи справедливо подчеркивала Е. Э. Липшиц (*Липшиц Е. Э.* К истории закрепощения византийского крестьянства в VI в. // ВО. 1974. С. 107, 109). Именно в IV в. происходит в Восточной Римской империи ограничение частного патроната (*Lemerle P. Agrarian History of Byzantium. P. 11*). Вся дальнейшая история Византии, содержащая множество важных вех в борьбе императоров за сохранение строгих различий между частным хозяйством и государственным управлением, показывает, что прония имела в этой борьбе не последнее значение.

¹⁰ *Maksimović Љ.* Византијска провинцијска управа у доба Палеолога. Београд, 1972. С. 74—95.

сма­три­вал про­нию М. Я. Сюзю­мов¹¹. Вы­ра­же­ние τὰ προνοιατικά, по-ви­ди­мо­му, под­твер­жда­ет это пред­став­ле­ние. Ин­те­рес­ная ин­тер­пре­та­ция вы­ра­же­ния τὰ προνοιατικά в тра­к­та­те об об­ло­же­нии вы­ска­зана К. А. Оси­повой¹², ко­торая под­дер­жи­вает на ос­но­ве это­го сви­де­тель­ства м­не­ние М. Я. Сюзю­мова. В то же время дан­ное вы­ра­же­ние в тра­к­та­те об об­ло­же­нии ни­ко­им об­разом не рас­ши­ф­ро­вы­ва­ется. Про­лить не­ко­то­рый свет на вы­ра­же­ние τὰ προνοιατικά по­мо­га­ют ис­точ­ники бо­лее позд­не­го вре­мени. Я имею в ви­ду прак­ти­ки XIV в., со­дер­жа­щие пе­ри­орис­мы вла­де­ний Лавры св. Афа­на­сия и Иви­р­ско­го мо­на­сты­ря, где в пе­ре­че­не вла­де­ний, со­сед­них с мо­на­стыр­скими, упо­ми­на­ются τὰ προνοιατικά δίκαια¹³. Из кон­тек­ста прак­ти­ков оче­вид­но, что вы­ра­же­ние δίκαια озна­ча­ет зем­ли раз­но­го типа: па­хот­ные, ви­но­град­ники, угодья¹⁴, — это все то, что яв­ля­лось об­ъек­том хо­зяй­ст­во­ва­ния. Та­ким об­разом, τὰ προνοιατικά δίκαια — это при­над­ле­жа­щая про­ни­арам тер­ри­то­рия. Ино­гда в прак­ти­ках упо­ми­на­ются и са­ми про­ни­ары, и эти дан­ные лишний раз сви­де­тель­ст­вуют о том, что ими мо­гли быть как лица знат­но­го про­ис­хо­ж­де­ния, так и пред­став­и­тели бо­лее низ­ко­го со­ци­аль­но­го ста­ту­са¹⁵.

Оче­вид­но, пе­ре­да­ча ка­ко­му-ли­бо чи­нов­ни­ку, во­еначаль­ни­ку или стра­ти­оту зем­ель в ка­че­стве τὰ προνοιατικά δίκαια яв­ля­лась не толь­ко по­жа­ло­ва­нием па­лога, но и от­чуж­де­нием не­ко­то­рых при­над­ле­жа­щих го­су­дар­ст­ву прав на со­от­вет­ст­вую­щую тер­ри­то­рию. Извест­но, что со­глас­но ви­зан­тий­ской офи­ци­аль­ной по­ли­ти­ко-пра­во­вой докт­ри­не под­дан­ные пла­ти­ли го­су­дар­ст­вен­ные на­ло­ги в си­лу тех прав по­пече­ния, ко­то­рые при­над­ле­жали им­пе­ра­тор­ской вла­сти в от­но­ше­нии тер­ри­то­рии и жи­вущего на пей на­се­ле­ния, т. е. в си­лу им­пе­ра­тор­ской про­нии, ко­торая вос­хо­дила к бо­же­ст­вен­но­му про­ви­де­нию. Сле­до­ва­тель­но, по­жа­ло­ва­ние про­ни­ару на­лога озна­ча­ло от­чуж­де­ние в его поль­зу прав по­пече­ния, ко­то­рые ре­а­ли­зо­ва­лись во взимании на­ло­гов с на­се­ле­ния со­от­вет­ст­вую­щей тер­ри­то­рии.

Как от­ме­ча­ет Г. Хун­гер, в Гре­ции элли­ни­стиче­ско­го пе­ри­ода по­ня­тие про­нии рас­про­ст­ра­ня­лось и на чи­нов­ни­ка, од­на­ко в ви­зан­тий­скую эпо­ху она в этом зна­че­нии не встре­ча­ется¹⁶. Этот вы­вод не пред­став­ля­ется аб­со­лют­но точ­ным. Упо­ми­на­ния τὰ προνοιατικά в тра­к­та­те об об­ло­же­нии и τὰ προνοιατικά δίκαια в прак­ти­ках, как ви­дно, сви­де­тель­ст­вуют о том, что со­от­вет­ст­вую­щие по­ня­тия пред­по­ла­га­ли по­жа­ло­ва­ние прав по­пече­ния чи­нов­ни­кам и стра­ти­отам, без ко­то­ро­го пе­ре­да­ча на­лога не име­ла юри­диче­ских га­ран­тий¹⁷. Вве­де­ние про­нии, воз­мож­но, и прес­ле­до­ва­ло цель об­ра­зо­ва­ния ин­сти­ту­та, ко­то­рый соз­да­вал бы в свете дей­ст­вую­щего пра­ва на­де­жные юри­диче­ские га­ран­тии для рас­про­ст­ра­нен­ной в Ви­зан­тии и име­вшей тра­ди­ции фор­мы оп­ла­ты служ­бы чи­нов­ни­ков и стра­ти­отов, со­сто­яв­шей в от­чис­ле­нии на­ло­гов с оп­ре­де­лен­ной тер­ри­то­рии¹⁸. Воз­ник, та­ким об­разом, спе­ци­фиче­ский вид по­пече­ния, ос­но­ван­но­го на го­су­дар­

¹¹ Сюзюмов М. Я. Указ. соч. С. 60.

¹² Осипова К. А. Указ. соч. 4.1.

¹³ Actes de Lavra. P., 1977. Vol. II. N 90. P. 84.139; P. 85.142, 144, 160; P. 87.184, 196; P. 89.229, 233, 245; P. 91.280, 283; N 108. P. 191.213, 216, 219; P. 192.239; P. 193.257—58; P. 194.286. Наряду с этим встречаются выражения: τὰ προνοιατικῶς (Ibid. N 90. P. 79.9; N 108. P. 197.369); δίκαιων στρατιῶτου (N 108. P. 196.349—350); τὰ τε προνοιατικῶς κατεχόμενα (N 108. P. 199.422); Dölger F. Sechs byzantinische Praktika aus den Athoskloster Iberon // Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse. Neue Folge. München, 1949. H. 28. A. 422.

¹⁴ Actes de Lavra. Vol. II, N 72. P. 14.42; N 79. P. 48—49. 13, 15.

¹⁵ Об этих градациях по отношению к более раннему периоду см.: Angold M. A Byzantine Government in Exile: Government and Society under the Laskarids of Nicea (1204—1261). L., 1975. P. 125, 126; Arhweiler H. L'histoire et la géographie de la région de Smyrne entre les deux occupations turques (1081—1317) // Travaux et Mémoires. P., 1965. 1. P. 157.

¹⁶ Hunger H. Prooimion. Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden. Wien, 1964. S. 85 f.

¹⁷ Именно юридических, реальные гарантии определялись конкретной социально-политической конъюнктурой и взаимоотношениями с императором.

¹⁸ О традициях см., например: Lemerle P. The Agrarian History of Byzantium. P. 233.

ственной инициативе и носящего публично правовой характер. Естественно, этот институт должен был противостоять частному попечению и усиливать свойственную византийскому политико-правовому сознанию тенденцию к четкому разграничению функций государственного публично-правового управления и частноправовой деятельности и соответствующих доходов. О том, что прония с самого начала предполагала попечение ее получателя над известной территорией, свидетельствуют, по-видимому, не только τὰ προνοιατικά трактата об обложении и τὰ προνοιαστικά δίκαια практиков XIV в., т. е. сведения источников, сравнительно недавно привлеченных для изучения интересующего нас института, но и давно известное упоминание о пронии у Анны Комнины: «ἀλλὰ τις ἐξαρτιμῆσαι δυνήσκειτο τοὺς καθ' ἡμέραν ἐσθίουτος ἢ τὴν ἐκάστην δαπάνην καὶ τὴν γενομένην εἰς ἕκαστον πρόνοιαν. . . ἐκεῖνος γὰρ ἀφορίζετο ἀπὸ γῆς καὶ θαλάττης αὐτοῖς προνοίας»¹⁹ В этом фрагменте прония встречается дважды и в разных значениях. С одной стороны, это та прония, которую император осуществляет по отношению к подданным, а с другой, — та, которая, так сказать, отчуждена, отделена (ἀφορίζω) в пользу отдельных лиц, пожалована им.

Права попечения, хотя непосредственно и распространялись на землю, но реализуясь в получении налогов с крестьян, превращались в совокупность прав в отношении этих последних. В этом смысле характерны недавно опубликованные практики 1321 г., содержащие описание владений в феме Фессалоники, пожалованных в икономию членам фессалоникийского аллагия (военного подразделения) Михаилу Савантзи и Николаю Марули. Среди их владений преобладают держания зависимых крестьян-париков²⁰.

Право прониаров на получение налогов с территории позволило греческому ученому Н. Икономидису провести определенные параллели между пронией и налоговым иммунитетом. Но такое сходство было чисто внешним. В юридическом отношении прония и иммунитет — понятия диаметрально противоположные. Прония — это передача функций публично правового попечения, а налоговый иммунитет — привилегия, предоставляемая собственникам земли²¹.

Итак, представления о пронии, по-видимому, непосредственно дедуцировались византийцами из постулатов официальной политико-правовой теории. Возможно, именно поэтому она не нашла четкого юридического оформления в византийских правовых документах, но рассматривалась как институт, вполне согласующийся с существующим порядком. Однако то обстоятельство, что она представляла собой попечение, связанное с управленческими функциями (икономия) по отношению к населенной зависимыми крестьянами территории, привело на практике к тому, что прония эволюционировала по пути превращения в институт типа бенефиция, а затем и лена²².

Предпосылки этой эволюции содержались уже в пронии IX—XII вв., отражавшей специфику византийской социально-политической системы и противоречивый характер внутренней политики императоров. Но наличие соответствующих тенденций в ранней пронии становится особенно заметным благодаря ретроспективному изучению документов эпохи

¹⁹ *Annae Comnenae Porphyrogenitae Alexias*. Lipsiae, 1884. II. 292.22—25.

²⁰ *Actes de Xénophon* / Ed. D. Papachryssanthou. P., 1986. N 15. P. 139—140; N 16. P. 143—144. В этом плане интересны и другие практики прониаров. См.: *Schreiner P. Zwei unedierte Praktika aus der zweiten Hälfte des 14. Jahrhunderts* // *JÖB*. 1970. 19. P. 33—49. О них см.: *Oikonomidès N. Notes sur un praktikon de pronioaire* // *Travaux et Mémoires*. P., 1973. 5. P. 335—346.

²¹ *Oikonomidès N. The Properties of the Deblitzenoi in 14th and 15th Centuries* // *Charanis Studies*. New Brunswick, 1980. P. 178.

²² *Georgii Pachymeris de Michaele et Andronico Paleologio Libri tredecim* / Ed. J. Bekker. Bonnae, 1855. Vol. 1. P. 97.21; *Острогорски Г. Прония*. . . С. 124—127; *Максимовић Љ. Византијска провинцијска управа*. . . С. 99, примеч. 171. Наследственные права в отношении территории в правосознании византийцев связывались с родовой собственностью. См.: *Gregoras N. Byzantina Historia*. Vol. 1. P. 233.18.

Палеологов, когда произошли очень важные изменения в статусе пронариов и пронии, которая нередко становится наследственной.

Кроме того, распространяются случаи сочетания в руках держателя пронии (или владения, не названного так, но по своему статусу не отличающегося от нее) публично правовых и частно правовых функций, т. е. прав управления, которые соединяются с реальными экономическими правами. Хорошо известны отнюдь не единичные факты пожалования территории в наследственное (или на срок жизни) владение и управление определенного лица²³. Недавно опубликованный документ — хрисовульный орисмос Иоанна V Палеолога, согласно которому, Мануилу Сергопулу — хранителю печати — до конца жизни получателя на условиях исполнения службы пожалован остров Мармара, интересен в нескольких отношениях²⁴. Прежде всего в нем, хотя (как это часто бывает в подобных пожалованиях) и не называется прония, но в отличие от других пожалований с аналогичным содержанием используется другое выражение в том же смысле: ἐπιμελούμενος²⁵, содержание которого раскрывает текст. Чиновник должен заботиться об обороне острова и прочих условиях жизни, и в этих целях так же, как и другим получателям наследственной пронии-икономии, дается право проводить на пожалованной территории различные «улучшения» доступными ему способами: . . . καὶ βελτίο ταῦτο κατὰ τὸν εὐχρωσθέντα καὶ δύνατον αὐτῶ τρόπον²⁶. Подобные формулировки, как известно, характерны для пожалований земли в собственность. Доходы Сергопула, как видно, не исчисляются в посотис, а остаются нелимитированными, они могут непосредственно зависеть не только от количества налогоплательщиков, но и от урожая. Из других источников того же времени нам известны десятины зевгарей и десятинна урожая²⁷ — подати, имевшие смешанный, т. е. одновременно публично- и частно правовой характер. Кроме того, согласно рассматриваемому документу, упомянутому лицу даруется право на преимущественную покупку продуктов у местных жителей, что также могло вести к расширению частных прерогатив²⁸.

Четкое разграничение между государственным и частным управле-

²³ В этом плане неоднократно интерпретировались аргировулы Морейского деспота Феодора, согласно которым Георгию Гемисту Плифону были пожалованы город Фанарион и село Врисис. См.: *Острогорски Г. Прония* . . . С. 124—125; *Максимовић Љ. Византијска провинцијска управа* . . . С. 99. Аналогичным было пожалование деспота Константина Палеолога Димитрию Мамону Григору (*Максимовић Љ. Византијска провинцијска управа* . . . С. 99). Характерен в этом отношении дар Георгию Сфрандзи (Там же. С. 100). В этой связи можно было бы отметить и следующие пожалования. Иоанн VI Кантакузин передал в 1349 г. своему приближенному (οἰκῆτος) Димитрию Девлицину в наследственную икономию посотис в 100 перперов, соответствующую владениям в Хермилее (Actes de Docheiariou / Ed. N. Oikonomides. P., 1984. N 26. P. 185). Согласно хрисовулу Андроника IV Палеолога от 1378 г., Мануилу Тарханиоту передается на срок жизни община Лоротон в Каламарии за службу с тем, чтобы она после его смерти на тех же условиях перешла его сыну Иоанну Тарханиоту, причем ранее Лоротон принадлежала Георгию Цамплаку и его покойному брату, а часть общины недавно была пожалована простагмой Мануилу Раулю Кустугианису. Документ наглядно иллюстрирует движение земель, статус которых не отличается от статуса наследственной пронии (хотя ее обозначение отсутствует). (См.: Actes de Lavra. Vol. III, N 149). По данным хрисовула Иоанна V Палеолога от 1351 г., икейю императора Георгию Кацаре передается в качестве наследственного владения земля в 2400 модиев в Каламарии, соответствующая его икономии в 48 перперов. Наследники настоящего владельца должны будут выполнять соответствующую службу (Actes de Docheiariou. N 27. P. 188).

²⁴ *Magdalino P. An unpublished Pronoia Grant of the Second Half of the Fourteenth Century // ЗРВИ. 1978. Т. XVIII. P. 155—163.*

²⁵ *Ibid. P. 157.9. Ср.: Actes de Dionysiou / Ed. N. Oikonomides. P., 1968. N 2. P. 45—46.*

²⁶ *Magdalino P. Op. cit. P. 157.8. Ср.: Actes de Docheiariou. N 27. P. 188, 18—19.*

²⁷ *Actes de Lavra. Vol. III, N 155, P. 134.24, 29—30; P. 133, примеч. издателей; N 159. P. 147.32.*

²⁸ Мы не знаем, соблюдался ли в XIV в. порядок, запрещающий парикам продавать земли пронариам, существовавший в Никейской империи и восходящий по своим принципам к экономической политике императора X в. (*Miklosich F., Müller J. Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Vindobonnae, 1890. Vol. IV. P. 199.*) (Далее: ММ); *Angold M. A Byzantine Gouvernement in Exile. P. 141.*

нием, свойственное византийскому правосознанию, на практике нарушается. Соответственно по отношению к XIV в. и доходы от земли не могут быть с предельной точностью разделены на государственные налоги и ренту частноправового характера, хотя формально-юридически попытки к подобному разграничению по-прежнему предпринимаются. Согласно хрисовулу Иоанна VII Палеолога, Лавре, как и другим крупным монастырям, пожалована часть десятины с урожая на Паллене-Кассандре. После смерти дарителя Лавре переходит соответствующая часть самой земли: общины, где работают упряжки волов, и сами эти упряжки, весь доход с урожая и государственные налоги²⁹. В этом документе налог и доход по традиции разделяются, кстати, десятина от урожая не идентифицируется с налогами, являясь, как уже отмечалось, сбором смешанного публично- и частного правового характера. Далее, в документах XIV—XV вв. отсутствует терминологическая точность: если в актах, содержащих пожалование в пронию, говорится о праве на владение, то в документах, оформляющих пожалование монастырям земель в собственность, указывается на передачу посотис³⁰.

Подобному переплетению представлений об управлении и владении способствовали в эпоху Палеологов реальные процессы приватизации функций управления, связанные с усилением противоречивых тенденций в политике императоров. Действительно, именно в этот период за счет крупных земельных пожалований со стороны государства особенно выросло крупное, в частности, монастырское землевладение, распространились апанажи³¹, отпали всякие ограничения, чинимые ранее собственникам в привлечении на их земли крестьян. Как ранее, сосуществовали названные два противоречащих друг другу направления экономической политики государства. Соответственно и сама византийская власть балансировала между двумя политическими и общественными силами, составлявшими ее социальную базу: высшей бюрократией и земельной аристократией. Преимуществонное развитие того или иного направления в политике зависело от многих факторов: соотношения сил в составе правящей элиты, реальных возможностей того или иного императора, внешней обстановки.

В целом в эпоху Палеологов в экономической политике возобладала тенденция к поощрению роста крупной, особенно монастырской собственности. В этой связи характерны многочисленные свидетельства пожалования монастырю бывших проний или замены монастырских земель на прониарские, тогда как монастырские возвращались в казну; при этом обмен совершался, по-видимому, с учетом интересов монастыря³².

О том, что пожалованные в XIV в. прониару права пощепения уже не только реализовались в получении налогов, но включали возможность создавать на соответствующей территории условия для разнообразной экономической деятельности, свидетельствуют упомянутые выше практики 1321 г., содержащие опись владений прониаров—членов фессалонийского аллагия. Хотя большая часть их икономий состояла из держаний париков, им принадлежали также покинутые земли и владения, которые передавались вместо икуменона (налога)³³. Эти территории, не находящиеся в держании у крестьян, эксплуатировались или путем сдачи в аренду, или с помощью барщины, о которой в практиках имеются специальные упоминания³⁴.

²⁹ Actes de Lavra. Vol. III, N 159. P. 148.33—34.

³⁰ Ibid. N 122. P. 17.6.

³¹ Максимовић Љ. Византијска провинцијска управа. . . С. 12.

³² Actes de Lavra. Vol. III, N 128. P. 37.29; N 161. P. 156—157. 1—7. В документе, сфабрикованном, по мнению издателей, на основе нескольких ранее изданных практиков, также говорится о пожаловании монастырю части пронии: «ἀπό τῆς προνοιαστικῆς γῆς Ἀπλημελῆ» (Actes de Lavra. Vol. III. Appendix XVIII. P. 219.34—35). Но и от более раннего времени мы имеем множество свидетельств такой практики. См.: Острогорски Г. Пронија . . . С. 34. Ср.: Actes de Lavra. Vol. II, N 97. P. 131.6.

³³ Actes de Xérophon. N 15. P. 140.17, 20, 21; N 16. P. 143.21—24, 25; P. 144.25.

³⁴ Ibid. N 15. P. 140.30—31; N 16. P. 144.29.

В подобных ситуациях пожалование прониарам прав попечения или управления состояло, по существу, в передаче всех тех прерогатив, которыми обладал собственник. Новый взгляд на попечение не получил, однако, адекватного юридического выражения в документах, в которых, как уже говорилось, продолжались делаться попытки к разграничению государственного управления и частного владения. Поэтому данное понимание пронии становится достоянием правовой ментальности: формально неоформленных, но достаточно распространенных и играющих значительную социальную роль форм правосознания.

Материалы архивов Дохиарского и Ксенофонтского монастырей показывают, что в XIV в. прониар, по существу, распоряжался землей, переданной ему в пронию. Он передает землю монастырю, сдает в аренду, продает, и в этом случае права монастыря на нее представляют собой своеобразный вид условной собственности. Возникают случаи совладения монастырей и прониаров³⁵. По мнению издателя Дохиарских актов Н. Икономидиса, подобные передачи происходили с целью обеспечения со стороны монастыря условий для экономической деятельности населения, платящего налога, которые были уступлены со стороны государства прониарам за их службу³⁶. Из этого следует, что обычно прониары сами создавали эти условия, проводя икономию, управление и попечение осуществляемое от лица государства, и пользуясь *ποσότης*, о чем свидетельствуют их экономические конфликты с монастырями³⁷.

Обычно пожалование земли в пронию практически влекло за собой усиление эксплуатации налогоплательщиков. Именно этим, видимо, объяснялось то негодование, с которым описывал распространение этого института при Мануиле Комнине Никита Хониат³⁸. Юридически в пронию, равно как и в безусловную частную собственность, могли быть пожалованы или принадлежащие казне держания париков, или пустующие земли. В период Палеологов часто передавались именно последние, на которых собственник или прониар получал право сесть элевтеров. Но на практике в орбите прониара оказывались иногда и мелкие собственники³⁹. Иными словами, попечение, осуществляемое прониаром, было весьма ощутимым и нередко вызывало протест⁴⁰.

Дохиарский и Ксенофонтский монастыри, в распоряжение которых в XIV в. прониары передавали свои пронии, фактически сосредоточивал в своих руках те публично правовые прерогативы, которые юридически были пожалованы прониарам как временное отчуждение в их пользу определенных государственных функций.

³⁵ В этом отношении характерны следующие документы: акт передачи прониаром Дохиарскому монастырю от 1313 г. нескольких покинутых харафиев и виноградики. Монастырь должен владеть этими землями и извлекать из них любой доход до тех пор, пока даритель и его дети имеют пронию: «ὡς ἂν ἀπὸ γε τοῦ νῦν καὶ εἰς τὸ εἴης κατέχουσα ταῦτα ἢ κατὰ σε ἀγία μονὴ καὶ νεμομένη ἀνενοχλήτως πάντη καὶ ἀνεμπόδιστως ἐκ σύμπαντος, τὴν ἐξ αὐτῶν πᾶσαν καὶ παντοίαν ἀποφέρηται πρόσοδον, μέχρις ἂν δηλαδὴ παρ' ἐμοῦ καὶ τῶν παιδῶν μου ἡ πρόνοια κατέχηται... См.: Actes de Docheiariou. N 13. P. 125. 5—7. Характерно в данном случае по отношению ко временному владению использование стандартной формулы: «ἀπὸ τοῦ νῦν καὶ εἰς τὸ εἴης». Аналогичного содержания и акт 1314 г. передачи прониарских земель монастырю, осуществляемой двумя прониарами (см.: Ibid. № 14. P. 127. 6; № 22. P. 164. 6). Аналогичный случай засвидетельствован в акте 1364 г. передачи дочерью умершего прониара наследственной пронии монастырю Ксенофонта (Actes de Xéporhon. № 30. P. 213. 24—25). О пожаловании прониарами монастыря своих проний свидетельствует и практик, составленный апографесом Константином Макреном от 1338 г. и содержащий опись владений Ксенофонтского монастыря (Ibid. № 25. P. 195. 110—111). Известны факты сдачи прониарами их проний в аренду монастырю (Ibid. № 6. P. 97. 9, 15) и случаи продажи ими своих проний, а также последующей их конфискации Андроником III (Ibid. N 23. P. 117. 8—9).

³⁶ Actes de Docheiariou. P. 126.

³⁷ *Острогорски Г.* Пронија . . . С. 23 и след.; Actes de Docheiariou. N 31, N 35.

³⁸ *Nicetae Choniatae Historia* / Ed. J. A. Van Dieten. Berolini, 1975. P. 208.

³⁹ *Литаврин Г. Г.* Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977. С. 108; *Lemerle P.* Agrarian History of Byzantium. P. 238.

⁴⁰ О борьбе монастыря Лемвиотиссы и прониаров за париков см.: *Острогорски Г.* Пронија . . . С. 43 и след.

Известны и другие примеры, когда функции попечения над территорией государством, причем непосредственно, а не в результате передачи прониарам, возлагались на монастыри, что, естественно, также способствовало возникновению смешанных частноправовых и публичноправовых отношений на соответствующих землях, соединению владельческих и управленческих функций. И это влекло за собой появление определенных видов доходов смешанного характера. Согласно хрисовулу Иоанна V Палеолога от 1345 г., Лавра св. Афанасия получает старую крепость Контия и прилегающую к ней землю Трихисана на острове Лемнос⁴¹. Ранее эти территории являлись императорским зевгилатием⁴². Это был своеобразный вид условных пожалований, осуществляемых в пользу не прониара, а монастыря. Крепость и земля передаются ему при условии восстановления крепости и поселения на соответствующей территории людей (*ἄνθρωποις*), обязанных нести службу по охране острова⁴³. В XIV в. в условиях чрезвычайного обострения внешней обстановки крупный монастырь, располагавший многочисленными метохами и прочими владениями в разных районах империи, в том числе и укрепленными сооружениями, имел возможность защитить население от нападения врагов и тем самым создать условия для их экономической деятельности и уплаты налогов. Владельцы мелких и средних проний, включавших земли сельской округи, были лишены таких возможностей⁴⁴ и вынуждены были передавать земли монастырю. Подобные факты сосредоточения в руках монастыря частноправовых и публичноправовых функций попечения — яркий пример византийского пути развития феодальных отношений.

Прониары, передававшие свою пронию Дохиарскому монастырю, ограничивались получением посотис. Их неспособность в известных случаях обеспечить поступление налогов — определенный симптом кризиса данного института.

Эпоха Палеологов обычно рассматривается как период дальнейшего прогрессирующего развития пронии. Но во время внутренних потрясений и обострения внешней опасности она временами оказывалась нежизнеспособной, о чем свидетельствует и огромная мобильность прав на землю, их перемещение из рук прониаров государству и монастырям. Хотя по отношению к тому же периоду известны многочисленные противоположные факты, а именно временные ограничения и ликвидация податных привилегий монастырей, подчинение их земель фиску и пожалование налогов с соответствующих территорий прониарам⁴⁵.

⁴¹ Actes de Lavra. Vol. III, N 126. P. 31.3—4; N 127. P. 34.5—6.

⁴² Ibid. P. 34.6.

⁴³ Ibid. P. 34.7—8, 18. Известно аналогичное пожалование земли монастырю Дионисия, которому также вменялось в обязанность построить пирг и организовать охрану территории. См.: Actes de Dionysiou. N 13. P. 91.4—5; N 17. P. 106.4—5.

⁴⁴ В хрисовуле Андроника II от февраля 1319 г., содержащем пожалование привилегий городу Янине, говорится, что жители города не могут принуждаться к несению военной службы вне города, т. е. это обязанность стратиотов, которые имеют икономию. См.: ММ. V. P. 77—84.

⁴⁵ По хрисовулу Иоанна VII Палеолога от 1404 г., подтверждаются права Лавры на деревню Дримосиру, расположенную в Каламарии. Однако половина владения в течение определенного времени была подвластной фиску (*τοῦ δημοσίου*) вследствие неблагоприятных обстоятельств (*ὅτι τῆς τῶν πραγμάτων ξάλης καὶ τροχίμιας* (см.: Actes de Lavra. III. N 155. P.:134.18). Речь идет о мерах Мануила II, связанных, по мнению Н. Звороноса, с пожалованием прониарам налогов с монастырских земель, тогда, как собственные права на них сохранялись за монастырями (*Svogolov N. Le domaine de Lavra. . . P. 52—53*). Г. Острогорский, однако, полагал, что изъятию подлежали сами земли, передаваемые во владение прониарам (*Острогорски Г. Пронија. . . С. 109—110*). Ср.: *Мошин В. Акты из светогорских архива // Споменик. Српска Академја наука. Београд, 1939. N 91. С. 165—167*. Аналогичного мнения придерживаются Дж. У. Баркер и И. Джурич (*Barker J. W. Manuel II Palaeologus (1391—1425): A Study in Late Byzantine Statesmanship. New Brunswick, 1969.:P. 17. Not. 41; Нурић И. Сумрак Византије. Београд, 1982. С. 189, примеч. 33*).

Не исключено, что хотя юридически прониарам передавались только налоги с монастырских владений, но на практике это приводило к потере монастырем и земли

Иногда земля продолжала числиться как находящаяся в непосредственном ведении монастыря, однако этот последний должен был платить стратиотам и прониарам⁴⁶.

Чрезвычайная подвижность земельного фонда в XIV—XV вв. означает, что между различными видами земельных владений исчезают существенные различия. Все формы юридического отношения к земле, в том числе и монастырская собственность, по существу превращаются в виды условной собственности. Такая ситуация отражала обострившуюся борьбу за землю как источник доходов — прежде всего налогов — между государством, прониарами и монастырями. Эта борьба обострялась нехваткой париков-налогоплательщиков⁴⁷. Получателям земли жалова-

как таковой, чему способствовали как реальные процессы приватизации управления, так и смещение представлений о публичном и частном его характере. Тенденция к распространению этих форм правовой ментальности хотя и укрепилась в эпоху Палеологов, но известна и по источникам XI в. В этом отношении интересен документ из архива Дохиарского монастыря, свидетельствующий, что право собственности на землю в сознании византийцев ассоциировалось с уплатой с этой земли налога. Неуплата налога воспринималась как отсутствие собственнических прав (Actes de Docheiariou. N 2).

О сложных взаимоотношениях монастыря и фиска в начале XV в. свидетельствуют акты апографесов, совершающих обмен земель Лавры на земли казны (Actes de Lavra. Vol. III. N 161, N 165). При этом указывается, что лавриоты должны быть свободны от податей в пользу прониаров. Факты временного перевода земель монастырей в ранг казенных, означающие отмену податных привилегий, а возможно, и изъятие самих земель имели место не только при Мануиле II Палеологе, но и в более ранние, равно как и более поздние периоды византийской истории. И так же, как и при Мануиле, такие акции часто были связаны с пожалованиями налогов (обычно временно) прониарам или стратиотам (Actes de Lavra. Vol. III, N 129. P. 41.6—7; N 130. P. 42.2; N 172. P. 195.4). Половина владений Дохиарского монастыря в Хермилие была превращена в казенные при Иоанне VI Кантакузине и возвращена монастырю при Иоанне V Палеологе (Actes de Docheiariou. N 33. P. 203. Ср.: N 18. P. 142.12; N 21. P. 161). Иногда привилегированный статус монастырских земель, пожалованных прониару, восстанавливается после смерти последнего (Ibid. N 29. P. 192; N 3).

Политика вмешательства фиска в распоряжение монастырской собственностью имела свои традиции. Подчинение монастырских земель ведомству по управлению императорскими владениями происходило в IX в. при Никифоре I. См.: *Острогорски Г.* История Византије, Београд, 1959. С. 194; *Он же.* Пронија . . . С. 24—25.

⁴⁶ Actes de Lavra. Vol. III, N 131. Согласно акту о передаче владений, составленному апографесами в пользу Дохиарского монастыря, последнему передается ряд владений в Каламарии, специально фиксируются налоги, которые монастырь должен платить прониарам (Actes de Docheiariou. N 53. P. 277.20). Иоанн V освобождает монастырь Лавры по просьбе его игумена от уплаты десятины стратиотам в районе Фессалоники (Actes de Lavra. Vol. III, N 131. P. 47).

⁴⁷ Парики, юридически являвшиеся наследственными держателями своих земель, в условиях нестабильности экономической жизни бросали свой надел и переселялись в другие места. При этом они или по-прежнему числились налогоплательщиками по старому местожительству, или порывали с тяглом и землей и пополняли число беглых париков и элевтеров. Вряд ли можно согласиться с И. Караяннопулосом, который полагает, что в этот период играла существенную роль тенденция к превращению париков в свободных собственников. Об этом, по его мнению, свидетельствуют частые упоминания в практиках об ипостатиках, являвшихся, как традиционно считает греческий ученый, одновременно париками и свободными собственниками (см.: *Karajannopoulos I.* Ein Problem der spätbyzantinischen Agrargeschichte // *JÖB.* 1981. 30. S. 235—236). Однако, на наш взгляд, термин «ипостатик» был многозначным. Он использовался не только для того, чтобы обозначить собственников и соответственно таких париков, которые одновременно были и собственниками, но и для фиксации держателей паричского надела (Actes de Lavra. Vol. III, N 139. P. 80.98; N 109. P. 273.901; Actes de Docheiariou. N 15. P. 130.5). Ипостатики — это иногда парики, получившие в держание чью-либо покинутую собственность-ипостась (Actes de Lavra. Vol. III, N 139. P. 81.125—126; *Appendice.* XVIII. P. 219.34—35). Говорить же о значительной роли тенденции к превращению парика в собственника путем приобретения им свободной от паричских обязанностей собственности, которая затем играет доминирующую роль в его хозяйственной деятельности, видимо, затруднительно по отношению к эпохе с постоянным перемещением земли от одного владельца к другому в условиях обострения внешней опасности. В этот период происходит концентрация владений в руках крупных собственников. Мелкие собственники все больше и больше разорялись, об этом свидетельствует огромное число сведений о покинутых мелких ипостасях, о продаже земли монастырям.

лось право заселить территорию элевтерами, обеспечить уплату налогов. Соответственно в этой борьбе преимущество было на стороне тех, кто лучше справлялся с данной задачей. И, видимо, несмотря на все перипетии и временный урон, таковыми оказывались монастыри. Об этом красноречиво говорят факты передачи проний монастырям самими пронариями. Таковы итоги длительной эволюции фактического и юридического отношения к земле в Византии.

Смысл выражения «прония», состоящий в пожаловании чиновнику или стратиоту совокупности прав попечения в отношении территории и подданных, возникший в результате расширения семантического диапазона понятия пронии, обозначающего божественное провидение, императорское попечение, не является неожиданным. Иоанн Дамаскин вслед за Аристотелем рассматривал политическое управление как практическую философию⁴⁸. Это понимание подтверждается всей деятельностью византийцев в области правотворчества. Поэтому расширение смысла философско-богословской и политико-правовой категории «прония» и дедуцирование его на реальные отношения, появление новой назывной функции наименований «прония» и «икономия» — это один из примеров путей возникновения технических понятий и обозначений в Византии. В византийской юридической практике мы встречаемся еще с одним подобным, не менее ярким примером появления технических обозначений явлений социально-экономического характера. А именно: немалую роль в формировании ряда представлений византийского правосознания сыграли такие общие категории, как «ипостась», «энипостаты», «анипостаты». Эти понятия наряду со своим теологическим смыслом являлись правовой категорией, означая наличие имущества или его отсутствие. Особый интерес приобретают упоминания не только об ипостаси, но и об энипостатах и анипостатах по отношению к зависимым крестьянам.

При этом выражение «энипостаты» означает имущих крестьян, а термин «анипостаты» — неимущих⁴⁹. Использование этих понятий, являющихся в трактате Иоанна Дамаскина «Об истоках знания» общими богословскими категориями, для характеристики таких отношений, как обеспеченность зависимых крестьян землей, наряду с техническим смыслом выражения пронии — иллюстрация того, в какой мере богословские представления являлись неотъемлемым атрибутом не только теологии истории, но и правосознания.

Итак, византийская прония — сложный институт, изучение которого связано с комплексным подходом к явлению, с рассмотрением всей системы византийских общественных отношений, различных форм правосознания и их временной эволюции.

⁴⁸ PG. T. 94. Col. 532.

⁴⁹ Actes de Lavra. Vol. II, N 73. P. 20.67; N 74. P. 25.49; N 77. P. 41.76; N 99. P. 144.40; P. 151.218—219.